

Ludmiła Łucewicz

Запрещенная религия польского дела в "Исповеди" Михаила Вакунина

Studia Rossica Gedanensia 1, 290-302

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

«ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕЛИГИЯ ПОЛЬСКОГО ДЕЛА»
В ИСПОВЕДИ МИХАИЛА БАКУНИНА

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

Wydział Lingwistyki Stosowanej, Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej,

Zakład Kulturologii Wschodnioeuropejskiej

ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska

e-mail: ludmilalucewicz@gmail.com

(nadesłano 12.03.2014; zaakceptowano 26.11.2014)

Abstract

**«The forbidden religion of the Polish cause» in *The Confession*
by M. Bakunin**

The topic of the article is the way of presenting relations with Poles in *The Confession* by the famous 19-th century revolutionist and anarchist M. Bakunin (as we know, the work originated as a «political confession» addressed to Nicholas I). At the beginning, the descriptions of the Polish emigrants (especially Lelewel, Czartoryski, Biernacki, Mickiewicz) are quite general, but sincere. However, when describing current revolutionary events Bakunin starts to put emphasis on stereotypical — negative — ideas about Poles, which aims at showing the lack of possibility of a Polish-Russian cooperation on a political level. The deliberate choice of such a strategy allowed the author of *The Confession* to conduct a kind of game with Nicholas I.

Key words

Michał Bakunin, *The Confession*, Mikołaj I, Lelewel, Czartoryski, Biernacki, Mickiewicz.

Abstrakt

«Zakazana religia sprawy polskiej» w *Spowiedzi* Michała Bakunina

Tematem artykułu jest sposób przedstawienia relacji z Polakami w *Spowiedzi* znanego dziewiętnastowiecznego rewolucjonisty i anarchisty — Michała Bakunina (jak wiadomo, utwór powstawał jako «spowiedź polityczna» adresowana do Mikołaja I). Początkowo charakterystyki polskich emigrantów (przede wszystkim Lelewela, Czartoryskiego, Biernackiego, Mickiewicza) są ogólnikowe, ale szczerze. Jednakże opisując bieżące wydarzenia rewolucyjne Bakunin zaczyna akcentować stereotypowe — negatywne — cechy Polaków, co ma podkreślić niemożność współpracy polsko-rosyjskiej na niwie politycznej. Ta świadomie wybrana strategia pozwoliła autorowi *Spowiedzi* prowadzić swoistą grę z Mikołajem I.

Słowa kluczowe

Michał Bakunin, *Spowiedź*, Mikołaj I, Lelewel, Czartoryski, Biernacki, Mickiewicz.

Михаил Бакунин (1814–1876) — одна из примечательных личностей XIX века, чьи политические устремления и удивительные приключения до сих пор вызывают живейший интерес в различных странах мира, подтверждением чего является неиссякаемый поток биографической, научной и художественной литературы на разных языках¹. Ни один из представителей русской общественной мысли не пропагандировал столь радикальные мнения и не был столь активным участником европейской революционной борьбы, как Бакунин. Отличаясь необычайной общительностью и даром убеждения, Бакунин обладал неисчислимым количеством друзей и знакомых, среди которых были Н.В. Станкевич и И.С. Тургенев, А.И. Герцен и Н.П. Огарёв, Б.Г. Белинский и П.Я. Чаадаев, а также Г. Гервег, Р. Вагнер, Ж. Санд, А. Мицкевич, И. Лелевель, П.Ж. Прудон, А. Руге, В. Вейтлинг, К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Кафиеро и многие, многие другие. Бакунин — бунтарь, мятежник, панславист, народник, анархист, разрушитель государственности, превыше всего ценил свободу.

«Я становлюсь свободным лишь благодаря свободе других, — утверждал он, — так что чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространённее, глубже и шире моя свобода»². Именно этот пафос свободы, определявший суть личности Бакунина, вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида, а сам Михаил

¹ См. обзор литературы и библиографию [В:] А.А. Kamiński. *Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michała Bakunina*. Wrocław: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej im. Oskara Langego, 2004, с. 7–38; 406–463.

² М.А. Бакунин. *Избранные сочинения. В 5 томах. Т 2: Кнута-Германская империя и Социальная революция*. С предисловием Дж. Гильома. Книгоиздательство «Голос труда» Петербург — Москва, 1919, с. 295.

Александрович послужил прототипом для главных героев двух знаменитых русских романов — *Рудина* Ивана Тургенева и *Бесов* Федора Достоевского.

Поначалу жизнь Михаила Бакунина складывалась вполне традиционно, ничто не предвещало бурных перемен в его судьбе. Родился он в старинной дворянской семье с богатыми родственными связями, его отец, будучи поклонником Руссо, воспитывал своих детей (их было десятеро) в атмосфере всеобщей любви и дружества, на лоне природы, в общении с искусством и литературой. Руссоиское воспитание дало свои положительные результаты: молодое поколение Бакуниных отличалось образованностью, тонкостью чувств, глубоким пониманием произведений искусства. «Это замечательное семейство, состоявшее из нескольких сестер и братьев, — вспоминал Иван Панаев, — принадлежало к исключительным, небывалым явлениям русской жизни»³. Михаил с детства прекрасно рисовал и музицировал, владел несколькими иностранными языками. При том, что семья была родовита, она была небогата, поэтому, достигнув пятнадцатилетнего возраста, Бакунин стал юнкером Петербургского артиллерийского училища. Через три года он получил первый офицерский чин, но вскоре за дерзость начальству был отчислен из училища и направлен на службу в Гродненский полк (биографы утверждают, что в этот период своей жизни Бакунин познакомился с польским населением и начал осваивать польский язык). Еще через год, несмотря на протесты родителей, он вышел в отставку и поселился в Москве. Здесь начала проявляться его необычайная коммуникабельность, благодаря которой он перепознакомился с представителями московской элиты. В скором времени Бакунин стал одним из лидеров гегельянского кружка Николая Станкевича, проявив недюжинную склонность к немецкой философии, «от которой ждал света и спасения»⁴. Александр Герцен впоследствии вспоминал:

Бакунин обладал великолепной способностью развивать самые абстрактные понятия с ясностью, делавшей их доступными каждому, причем они нисколько не теряли в своей идеалистической глубине... Бакунин мог говорить целыми часами, спорить без устали с вечера до утра, не теряя ни диалектической нити разговора, ни страстной силы убеждения. (...) Этот человек рожден был миссионером, пропагандистом, священнослужителем. Независимость, автономия разума – вот что было тогда его знаменем, и для освобождения мысли он вел свою войну с религией, войну со всеми авторитетами. А так как в нем пыл пропаганды сочетался с огромным личным мужеством, то можно было уже тогда предвидеть, что в такую эпоху, как наша, он станет революционером, пылким, страстным, героическим. Вся жизнь его была посвящена одной лишь пропаганде⁵.

Увлечшись «почти до сумасшествия»⁶ немецкой метафизикой, Бакунин, несмотря на запреты отца, принимает решение отправиться в Германию для получения серьезного философского образования. Став студентом Берлинского университета, в течение двух лет он, по собственному признанию, «ничего другого не видел, кро-

³ И.И. Панаев. *Литературные воспоминания*. Москва: Правда, 1988, с. 179.

⁴ М. Бакунин. *Исповедь*. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010, с. 27.

⁵ А. Герцен. *Михаил Бакунин*. [В:] М. Бакунин: *Исповедь...*, с. 8.

⁶ М. Бакунин. *Исповедь...*, с. 27.

ме категорий Гегеля»⁷. Однако, чем более глубоко он погружался в философию, тем очевиднее для него становилась «ничтожность» метафизики. Бакунин искал в философии «жизни», «живого дела», а обнаружил «скуку» и «абсолютное безделье»⁸. Но он не утратил желания и надежды найти для себя в Европе «благородный предмет для занятий и широкое поле для действия»⁹. Знаковой для Бакунина оказалась книга Лоренца фон Штейна *Социализм и коммунизм в современной Франции* (1842), где он впервые услышал «слово о коммунизме»¹⁰. «Левый гегельянец» с тем же неистовством, с каким прежде изучал идеалистическую философию, стал «читать сочинения французских демократов и социалистов»¹¹. Обретя, наконец, «поле для действия», он бросился в современную западноевропейскую политику, пропагандируя демократию, радикализм, обосновывая идеи «панславизма» и необходимости создания славянской федерации. Стремясь реализовать свои радикальные убеждения на деле, Бакунин принимал активное участие в европейских революциях (в Париже и Праге в 1848 г., в Дрездене в 1849 г.). В результате был арестован, дважды приговорен к смертной казни — сначала в Саксонии, затем в Австрии (в обоих случаях казнь была заменена пожизненным заключением). Австрийцы по просьбе русских властей передали Бакунина царским жандармам, упекшим его в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а позже и в самую страшную — Шлиссельбургскую. Отсидев в целом в крепостях восемь лет, он потерял от цинги зубы, нажил массу хронических болезней. А в 1857 г. государственный преступник сумел убедить нового императора Александра II отправить его из крепости на «волю» — в сибирскую ссылку. Оказавшись в Томске, Бакунин влюбился в очаровательную юную польку Антонию Квятковскую, женился на ней, а затем бежал из государства Российского через Японию и Америку в Европу, в Лондон, к Герцену. В герценовском «Колоколе» вновь вернулся к своей службе «по польско-славянскому вопросу», который, как он писал своим друзьям, был его «идее с 1846 г. и ... практической специальностью в 1848 и 1849 гг.»¹². Современников удивляла и восхищала эта приверженность Бакунина польской идее. Так, Павел Анненков подтверждал, что Бакунин, действительно,

успел обрести в польской пропаганде нечто похожее на специальность и призвание. После некоторого колебания, вызванного самой ее односторонностью, о которой часто и упоминал в беседах с друзьями, он окончил тем, что принял ее вполне и отдался ей уже безоглядно, открыто и решительно, сжигая за собой корабли, не оставляя ни малейшей тропинки позади себя на случай отступления. Никто еще из русских до него так смело не отрывался от домашних пенатов своих, прежнего строя мыслей, старых воспоминаний и созерцаний в пользу запрещенной религии польского дела. Обаяние этой религии заключалось для него

⁷ Там же, с. 28.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 29.

¹¹ Там же.

¹² А.И. Герцен. *Собрание сочинений в 30 томах*. Т. 9. Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Наука, 1957, с. 353.

преимущественно в революционном характере, за который ей отпускались многие узкие стремления, многие темные инстинкты¹³.

Одну из версий истории возникновения интереса к «запрещенной религии польского дела» Бакунин и представил в своей *Исповеди* (1851).

* * *

Итак, оказавшись в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, Бакунин после двух месяцев отсидки был приглашен на свидание шефом жандармов — графом Алексеем Орловым (братом известного декабриста Михаила Орлова), который сообщил заключенному о желании императора лично ознакомиться с чистосердечными письменными признаниями узника, причем написанными так, «как духовный сын пишет духовному отцу», т.е. со своего рода *исповедью*. Бакунин после недолгого размышления принял это предложение:

Да, государь, я буду исповедываться Вам как духовному отцу, от которого человек ожидает не здесь, но для другого мира прощения, и прошу Бога, чтобы Он мне внушил слова простые, искренние, сердечные, без ухищрения и лести, достойные одним словом найти доступ к сердцу Вашего императорского величества¹⁴.

В течение месяца узник написал, как он отметил, самое длинное в своей жизни письмо («письмо мое ... написано очень твердо и смело») или, иначе говоря, политическую исповедь. Определение жанровой разновидности текста Бакунин дал сам. Еще в *Защитительной записке* (некоторые исследователи считают ее претекстом *Исповеди* 1851 г.), написанной в аресте в конце 1849 — начале 1850 гг. в крепости Кенигштейн к адвокату Францу Отто, Бакунин сообщал, что сам попытается защищаться перед судом, и сделает это в «письме, в форме ... политической исповеди»¹⁵.

Стоит упомянуть, что существует огромная литература, преимущественно публицистического характера, посвященная бакунинской *Исповеди*¹⁶. Отмечу, что в центре внимания пишущих чаще всего оказывались вопросы, соотносящиеся с этическим кодексом революционера: правды/лжи, верности/отступничества, простодушия/хитрости, раскаяния/актерства, чести/бесчестия, силы/слабости и проч., и проч. Кроме того, предпринимались попытки рассматривать *Исповедь* как своего рода исторический документ и даже как религиозное покаяние. Мне думается, что бакунинская *Исповедь* — это прежде всего текст литературный, но опирающийся на документальный материал, следовательно и рассма-

¹³ П.В. Анненков. *Литературные воспоминания*. Москва: Правда, 1960, с. 278.

¹⁴ М. Бакунин. *Исповедь...*, с. 25.

¹⁵ М.А. Бакунин. *Собрание сочинений и писем (1828–1876)*. Под ред. и с примечаниями Ю.М. Стеклова. Серия Классики революционной мысли домарксистского периода. Под общ. ред. И.А. Теодоровича. Т. 4: *В тюрьмах и ссылке (1849–1861)*. Москва: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935, с. 28.

¹⁶ См. Ю.А. Борисёнок. *Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы*. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2001; А. Kamiński. *Apostół prawdy i miłości...*, 2004.

тривать его необходимо как некую художественную автобиографию-исповедь. Не случайно сам автор применительно к своему труду упомянул название автобиографии Гёте («нечто *вроде Dichtung und Wahrheit*»¹⁷). Указание Бакунина на использование гетевского принципа в воспоминаниях (*поэзия и вымысел; правда и вымысел*) существенно для понимания характера текста *Исповеди*. Гете в свое время писал, что задача мемуариста состоит в том, чтобы «обрисовать человека в его отношения к своему времени и показать, насколько целое было враждебно ему; насколько оно ему благоприятствовало, как он составил себе взгляд на мир и людей и как он отразил его во внешнем мире в качестве художника, поэта, писателя»¹⁸. *Правда* для Гете — это факты, сохранившиеся в памяти и воссозданные в тексте, а *поэзия* — истолкование этих фактов, установление их внутренней связи и значения для духовной биографии повествователя. Название не противопоставляет события действительные и события вымышленные, а объединяет их в целостную концепцию жизни. Бакунин, дав отсылку на Гете, таким образом предложил российскому императору версию своей жизни, основанную на фактах, осмысленных с учетом жанра, предложенного самодержцем.

Приступив к своему труду, Бакунин сразу оговорил два условия, которые он неуклонно соблюдал в процессе исповедания:

Молю Вас только о двух вещах, государь! Во-первых, не сомневайтесь в истине слов моих: клянусь Вам, что никакая ложь, ниже тысячная часть лжи не вытечет из пера моего. А во-вторых молю Вас, государь, не требуйте от меня, чтобы я Вам исповедывал чужие грехи. Ведь на духу никто не открывает грехи других, только свои. ...сознание, что я изменил чьей-нибудь доверенности или даже перенес слово, сказанное при мне, по неосторожности, было бы для меня мучительнее самой пытки. И в Ваших собственных глазах, государь, я хочу быть лучше преступником, заслуживающим жесточайшей казни, чем подлецом¹⁹.

Обращает на себя внимание, что в *Исповеди* повествователь не ограничился только покаянной интонацией, свойственной раскаявшемуся грешнику. В тексте не менее значимой является и интонация агитационная, обусловленная пропагандой идей революционно-демократических и панславистских, характерных для Бакунина 40-х гг. Ср. примеры:

...государь! я крутом *виноват* перед Вашим императорским величеством и перед законами отечества. Вы знаете мои *преступления*, и то, что Вам известно, достаточно для *осуждения* меня по законам на *тягчайшую казнь*, существующую в России»; «я написал полную *исповедь всех прегрешений*»²⁰; «*великий грех на душе моей*»²¹.

А вот образец иного рода:

¹⁷ М.А. Бакунин. *Собрание сочинений и писем...*, с. 33.

¹⁸ И.В. Гете. *Поэзия и правда. Из моей жизни*. Классический перевод Н.А. Холодковского. Москва: Захаров, 2003, с. 19.

¹⁹ Там же, с. 26.

²⁰ Там же, с. 24.

²¹ Там же, с. 125.

Наше собрание есть первое *славянское собрание*; мы должны положить здесь *начало новой славянской жизни*, провозгласить и утвердить *единство всех славянских племен*, соединенных отныне в одно нераздельное и *великое политическое тело*²²;
«ошибаются ... те, которые для восстановления *славянской независимости* надеются на помощь русского царя. ...Император Николай не любит ни *народной свободы*, ни *конституций*: вы видели живой пример в Польше²³.

Предположительно, сам Николай I определил некий круг вопросов для узника, на который тот должен был ответить обязательно (это прежде всего европейские революции). При этом важнейшими оказались события, происходившие на территории Польши, именовавшиеся как *польский вопрос* (*польская интрига*, *польское дело*).

Польская тема возникла в *Исповеди* практически в самом начале, вскоре после вводной автобиографической части, когда Бакунин, говоря о «доносе» Блюнчли (швейцарский юрист-обвинитель) 1844 г., упоминает о некоей книге, посвященной России и Польше, которую он, согласно этому доносу, якобы начал писать (такой книги не существует, но статьи и выступления на эту тему у Бакунина имеются). Говоря о своих отношениях с поляками, Бакунин изначально намеренно подчеркивает ограниченность, сдержанность, порой даже прохладность этих отношений, возникших якобы из-за взаимного непонимания по причинам исторического, психологического, национального свойства. В описании Бакунина зачастую отношения с поляками – это отношения простого знакомства. Практически он не называет имен, ограничиваясь такими обозначениями, как *польские демократы*, *молодые поляки*, *польская эмиграция в Париже*, *польские эмигранты*, просто *поляки*, исключение сделано для немногих.

Выстраивая свою версию отношений с поляками в *Исповеди*, Бакунин с определенной долей условности намечает два этапа активизации этих отношений: 1) начало 40-х гг., точнее — 1844 г.; 2) 1846–1849 гг. За пределами *Исповеди* оказался третий этап — участие Бакунина в подготовке январского восстания 1863 года. Каждый из этапов обладает своей структурно-семантической доминантой.

Первый этап можно охарактеризовать как период начальной ориентации, установления связей, знакомств, постепенного вхождения Бакунина в круг европейской эмиграции. В *Исповеди* этот этап получил отражение на уровне описания отдельных *лиц*. Второй период определяется активизацией деятельности самого Бакунина, его попытками утверждения на позициях радикального лидера эмиграции, обусловившими резкое расширение контактов с оппозиционными по отношению к российскому правящему режиму группами и организациями. В *Исповеди* этот этап отражен на уровне описания *событий*.

Известно, что после поражения ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Польшу покинули многие его участники, которые образовали довольно мощную политическую эмиграцию (получившую название Великой), находившуюся до революции 1848 г. преимущественно во Франции и Бельгии. В *Исповеди* из

²² Там же, с. 81.

²³ Там же, с. 83.

обилия имен польских эмигрантов Бакунин упоминает в основном четыре — Лелевель, Чарторыйский, Мицкевич, Бернацкий. Именно к 1844 г. относится знакомство Бакунина с ведущими политическими лидерами — к тому времени враждующими — ноябрьского восстания. Один из них — профессор Иоахим Лелевель (1786–1861) — в прошлом кумир Виленской и Варшавской университетской молодежи, представлял партию демократическую; а другой — князь Адам Чарторыйский (1770–1861) — влиятельный вельможа Александровской эпохи — аристократическую. Оба были не только достойными, но и видными в прямом смысле слова лицами в европейской эмиграции (то есть находящимися на виду), связи, контакты с которыми скрыть было невозможно, да и не имело смысла. Бакунин и называет их в числе своих польских знакомых.

Первым в *Исповеди* упомянут Иоахим Лелевель, с которым Бакунин познакомился достаточно близко, проживая в Брюсселе в течение весны и лета 1844 года. Лелевель произвел на русского эмигранта самое благоприятное впечатление — и не только как революционер, но именно как реальный демократ по убеждениям и образу жизни. Будучи ученым высокой квалификации, политиком европейского масштаба, Лелевель, как известно, отличался удивительной скромностью, неприхотливостью в быту, жил исключительно своим научным трудом в условиях почти нищенских — и все это по духу было очень близко Бакунину. Благодаря Лелевелю, русский радикал стал глубже и основательнее интересоваться польскими делами и даже приступил к разработке программы борьбы за освобождение славянства от деспотизма, где польскому «бунту» отводилось первостепенное место. Польский историк Стефан Коневич реконструирует ситуацию общения поляка и русского таким образом:

В июне ... 1844 года к Лелевелю явился русский, не похожий на предшественников: это был человек уже тридцатилетний, но полный юношеского темперамента. ... Бакунин утверждал, что под гнетом Николая в России накопилось много горючего материала, он заявлял сам готовность сотрудничества с поляками для борьбы против общего врага. Лелевель был очарован этим страстным, вулканическим человеком. Давая Бакунину рекомендательные письма друзьям [среди которых П. Капчиньски, В. Зверковски, Ф. Рогиньски, Ч. Пененжек, др., их имена не упомянуты в *Исповеди* — L. L.], он писал: «Юноша заслуживает того, чтобы оказать ему внимание²⁴.

Сам же Бакунин отметил лишь следующее:

В Брюсселе я познакомился с Лелевелем. Тут в первый раз мысль моя обратилась к России и к Польше; бывши тогда уж совершенным демократом, я стал смотреть на них демократическим глазом, хотя еще не ясно и очень неопределенно: национальное чувство, пробудившееся во мне от долгого сна, вследствие трения с польскою национальностью, пришло в борьбу с демократическими понятиями и выводами. С Лелевелем я виделся часто, расспрашивал много о польской революции, о их намерениях, планах в случае победы, о их надеждах на будущее время, и не раз споривал с ним, особенно же насчет Малороссии и Белороссии, которые по их понятиям должны бы были принадлежать Польше, по моим же, особенно Малороссия, должны были ненавидеть ее как древнюю притеснительницу.

²⁴ С. Коневич. *Лелевель*. Перевод с польского И. Миллера. Москва: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1970, с. 123.

Впрочем из всех поляков, пребывавших тогда в Брюсселе, знал и видел я только одного Лелевеля, да и с ним отношения мои, хоть мы и часто виделись, никогда не выходили из границ простого знакомства. Правда, что я перевел было на русский язык тот *Манифест к русским*, за который он был изгнан из Парижа, но это было без последствий: перевод остался ненапечатанный в моих бумагах²⁵.

Бакунин не мог отрицать длительного и достаточно тесного общения с польским лидером, не мог не засвидетельствовать и его влияния на собственное уяснение характера русско-польских отношений и революционных устремлений поляков, однако, как видно, он старается подчеркнуть не столько совпадение во взглядах, сколько различия, указывая, например, на элемент полемики или трактуя свой перевод знаменитого лелевелевского *Воззвания к русским*, выразившего идею о необходимости русско-польского революционного союза, как нечто оставшееся «без последствий». На самом деле, как свидетельствуют изыскания историков, благодаря именно Лелевелю, взгляды Бакунина на польский вопрос «существенно изменились, их теперь характеризует не абстрактная симпатия ... а конкретное убеждение в необходимости осуществления союза русских и польских радикальных демократов», а «польское дело» начинает занимать «существенное место» в «революционных контактах и планах» Бакунина, сама же его работа над переводом *Манифеста* говорит о желании перейти к практическому распространению радикальных идей среди соотечественников²⁶. В 1847 г. Михаил Бакунин в Париже на банкете, устроенном в честь участников Польского восстания (1830–1831 гг.), произнесет речь с резкими выпадами против русского правительства. Об этом станет известно в России, и вскоре по требованию русского посла в Париже Бакунина вышлют из столицы. И он вновь проведет несколько месяцев в Брюсселе, и, конечно же, побывает у Лелевеля, о чем в исповеди не обмолвится ни единым словом.

Второе польское имя, появившееся в *Исповеди*, — это князь Адам Чарторыйский, бывший, как известно, близким другом Александра I и министром иностранных дел России в 1804–1806 гг. С началом польского восстания он стал членом Административного совета, чуть позже — председателем Временного правительства, а затем до 15 августа 1831 г. был председателем Национального правительства. После подавления восстания эмигрировал, обосновался в Париже, возглавил консервативное крыло польской эмиграции — «Монархическое товарищество Третьего Мая» («Отель Ламбер»), поддерживал антирусскую политику западноевропейских стран, а также противоправительственные революционные и национально-освободительные движения, рассчитывая при их успехе на восстановление Польши. Бакунин о нем пишет весьма скудно:

По отъезде моем из Брюсселя я не видал ни одного поляка до самого этого времени. Моя статья в “Reforme” была поводом, к новому знакомству с некоторыми из них. Во-первых, пригласил меня к себе князь Адам Чарторыйский через одного из своих приверженцев; я был у него один раз и после этого никогда с ним более не видался²⁷.

²⁵ М. Бакунин. *Исповедь...*, с. 40.

²⁶ Ю.А. Борисёнок. *Михаил Бакунин и «польская интрига»...*, с. 155–156.

²⁷ М. Бакунин. *Исповедь...*, с. 40.

Аристократическая направленность интересов Чарторыйского демократу Бакунину была, очевидно, действительно чужда.

Третье лицо, упомянутое Бакуниным, — это Алоиз Бернацкий (1778–1854) — один из первых польских ученых аграриев (оставил ряд специальных трудов в этой области); в период ноябрьского восстания он был министром финансов, а затем эмигрировал во Францию, где организовал польскую школу. Бакунин отмечает, что в период с 1844 до весны 1846 гг. он практически не общался с поляками, за единственным исключением — «Алоиза Бернацкого..., доброго, почтенного старика, ... который, живя вдалеке от всех политических эмиграционных партий, занимался исключительно своею польскою школою»²⁸. В этом случае отношение, как видно, вполне доброжелательное, но каких-либо общих интересов между Бакуниным и Бернацким фактически нет.

И четвертым из польских деятелей в *Исповеди* назван Адам Мицкевич (1798–1855) — личность не просто заметная, но и напрямую связанная с русской культурной жизнью, чье творчество оставило свой заметный след в русской литературе и музыке (к нему обращались Пушкин и Лермонтов, Аполлон Майков и Бакунин, а также Алябьев, Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков и др.). Мицкевич не был участником ноябрьского восстания, но его поражение воспринимал болезненно, трагически. Переехав в Париж в 1832 г., поэт сосредоточился на создании знаменитой поэмы *Пан Тадеуш* (1832–1834), а по ее завершении практически отошел от поэтической деятельности, сосредоточившись на публицистике и литературных штудиях. Он увлекся мессианскими идеями об особом призвании Польши в судьбах человечества, что нашло отражение в *Книгах польского народа*. С 1841 г. Мицкевич оказался под влиянием мистика Анджея Товяньского, сумевшего совершить «чудо» исцеления маниакально больной жены поэта. В учении Товяньского Мицкевича привлекала трактовка Наполеона как мессии наподобие Христа, а также суждения о мессианском предназначении передовых наций, к которым товянисты относили французов и поляков. Бакунин познакомился со знаменитым польским поэтом как раз в период его особо напряженных религиозно-мистических исканий, которые в принципе не могли восприниматься всерьез человеком, нацеленным на практическую революционно-демократическую деятельность. В *Исповеди* версия отношений Бакунина и Мицкевича представлена так:

Также видел иногда и Мицкевича, которого уважал в прошедшем как великого славянского поэта, но о котором жалел в настоящем как о полуобманутом, полу-же-обманывающем апостоле и пророке новой нелепой религии и нового мессии. Мицкевич старался обратить меня, потому что, по его мнению, достаточно было, чтобы один поляк, один русский, один чех, один француз и один жид согласились жить и действовать вместе в духе Товяньского для того, чтобы переверотить и спасти мир; поляков у него было довольно, и чехи были, также были и жида и французы, русского только недоставало; он хотел завербовать меня, но не мог²⁹.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 42–43.

Отношение Бакунина к Мицкевичу, как видно, с одной стороны, почтительное, а с другой — несколько ироничное.

Итак, эти четыре лица описаны Бакуниным, хотя и достаточно обще, но открыто. И сделано так скорее всего потому, что для Бакунина с упомянутыми фигурами связано славное польское, но все же прошлое. Лелевель, Чарторыйский, Мицкевич, Бернацкий — это уже почтенные представители политической эмиграции, люди с устоявшимися взглядами, убеждениями, репутацией. У каждого из них была своя доминантная тема, у каждого Бакунин мог почерпнуть полезную информацию, но реальных соратников, практических деятелей в революционной борьбе среди них он не видел.

Второй этап активизации отношений с поляками приходится на 1846–1849 гг., время, когда Бакунин уже начал играть заметную роль в радикально-социалистических кругах Парижа и других европейских регионах. Как раз накануне и в процессе европейских революций контакты Бакунина с поляками возрастают и расширяются. В феврале 1846 г. он опубликовал статью, в которой публично озвучил ту позицию, которую окончательно занял в польском вопросе:

Я — русский и люблю мою страну, вот почему я подобно очень многим другим русским горячо желаю торжества польскому восстанию. Угнетение Польши — позор для моей страны, а свобода Польши послужит, быть может, началом нашего освобождения³⁰.

Известие о краковском восстании 1846 г. Бакунин встретил с энтузиазмом. В ноябре 1847 г. он выступил на собрании, посвященном очередной годовщине польского восстания. В *Исповеди* он вспоминал, как, будучи болен, сидел дома «с выбритой головой»; в это время к нему пришли с приглашением выступить на собрании двое поляков. «Я с радостью ухватился за эту мысль, заказал парик и, приготовив речь в три дня, произнес ее в многолюдном собрании»³¹. Речь, направленная против российского самовластия, содержала в себе открытое покаяние и неслыханные еще в такой форме признания: «Я не единственный в России, который любит Польшу и который питает к ней чувство горячего удивления, страстную горячность, глубокое чувство, смешанное с покаянием и надеждой...»³². Обращаясь к полякам от имени русских людей, Бакунин заявлял:

Да наступит же великий день примирения, — день, когда русские, соединенные с вами одинаковыми чувствами, сражаясь за ту же цель и против общего врага, получают право запеть вместе с вами национальную песню польскую, гимн славянской свободы «*Jeszcze Polska nie zginęła!*»³³.

Успех этого выступления был невероятным.

В *Исповеди* обращает на себя внимание тот факт, что Бакунин, будучи абсолютно уверенным в том, что Европа находится накануне великого всемирно-исторического переворота, достаточно подробно вспоминает о накаляющейся

³⁰ М.А. Бакунин. *Собрание сочинений и писем...*, с. 257.

³¹ М. Бакунин. *Исповедь...*, с. 52

³² М.А. Бакунин. *Собрание сочинений и писем...*, с. 270.

³³ Там же, с. 279.

атмосфере тех лет, при этом практически не называя каких-либо лиц, имен. Зато одно за другим следует описание общеизвестных событий: краковское восстание, революция во Франции, Славянский конгресс в Праге, Пражское восстание, Дрезденское восстание и проч. Что же касается отношений с поляками, то Бакунин пишет, с одной стороны, о своем якобы так и не реализованном стремлении сблизиться с польскими демократами, а с другой — о непреодолимых трудностях в общении, о взаимном недоверии и национальных разногласиях.

Я виделся с польскими демократами несколько раз, но не мог с ними сойтись: во-первых вследствие разногласия в наших национальных понятиях и чувствах: они мне показались тесны, ограничены, исключительны, ничего не видели кроме Польши, не понимая перемен, происшедших в самой Польше со времени ее совершенного покорения; отчасти же потому, что они мне и не доверяли, да и не обещали себе, вероятно, большой пользы от моего содействия³⁴.

...несмотря на мое сильное желание сблизиться с поляками, я ни с одним не мог сблизиться. Наши природы, понятия, симпатии находились в слишком резком противоречии для того, чтобы было возможно между нами действительное соединение³⁵.

Как видно, на первый план в *Исповеди* начинают выдвигаться давние общеизвестные стереотипы и распространенные предрассудки — о высокомерии поляков, их обособленности, миссианской предназначенности, культурном превосходстве, национальном эгоизме, и проч.

Поляки смотрели на прочих славян с высоты своего политического значения, держали себя несколько в стороне, слегка улыбаясь³⁶; «поляки, избалованные ...комплиментами европейских демократов»³⁷; «когда я узнал ближе их национальный характер, их неисцелимый, хоть исторически и понятный мне эгоизм, мне самому стало уже совестно и совершенно невозможно мешаться с поляками»³⁸.

Чем обусловлены суждения подобного рода? Совершенно очевидно, что Бакунин, не скрывая своей заинтересованности в активном сотрудничестве с поляками, переключает внимание с конкретных лиц на события горячей современности. Слишком хорошо была известна «царская милость» относительно сторонников «запрещенной религии польского дела». И вот вместо лиц на страницах *Исповеди* все чаще появляются исторически укоренившиеся стереотипы, призванные засвидетельствовать неизменные расхождения между представителями двух наций, невозможность их политической солидарности. Думается, что эта, сознательно выбранная автором стратегия письма — творческое осмысление фактов собственной биографии в заданной жанровой парадигме, и позволила Бакунину «вести свою игру» с царем, оставаясь верным изначально принятой установке — «не открывать грехи других».

³⁴ М. Бакунин. *Исповедь...*, с. 51.

³⁵ Там же, с. 53.

³⁶ Там же, с. 60.

³⁷ Там же, с. 78.

³⁸ Там же, с. 86.

Литература

- Анненков П.В. *Литературные воспоминания*. Москва: Правда, 1960.
- Бакунин М.А. *Избранные сочинения. В 5 томах. Т 2: Кнута-Германская империя и Социальная революция*. С предисловием Дж. Гильома. Книгоиздательство «Голос труда» Петербург — Москва, 1919.
- Бакунин М.А. *Собрание сочинений и писем (1828–1876)*. Под ред. и с примечаниями Ю.М. Стеклова. Серия Классики революционной мысли домарксистского периода. Под общ. ред. И.А. Теодоровича. Т. 4: *В тюрьмах и ссылке (1849–1861)*. Москва: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935.
- Бакунин М. *Исповедь*. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010.
- Борисёнок Ю.А. *Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы*. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2001.
- Герцен А.И. *Собрание сочинений в 30 томах. Т. 9*. Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Наука, 1957.
- Гете И.В. *Поэзия и правда. Из моей жизни*. Классический перевод Н.А. Холодковского. Москва: Захаров, 2003.
- Кеневич С. *Лелевель*. Перевод с польского И. Миллера. Москва: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1970.
- Панаев И.И. *Литературные воспоминания*. Москва: Правда, 1988.
- Kamiński A.A. *Apostół prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michała Bakunina*. Wrocław: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej im. Oskara Langego, 2004.